

С ВИКТОРОМ ИВАНОВИЧЕМ ПРЯХИНЫМ познакомилась случайно. В дороге. Как-то летней порой вместе ехали до Билимбае. Он работает зубным техником в местном профилактории. Каждому, кто попадает в его кабинет, непременно бросаются в глаза охотничьи трофеи: медвежий череп, голова глухаря.

И, как правило, следует с мельчайшими подробностями красочный рассказ человека, который до самоубийства долгие долгие годы верен своему увлечению. Прошлой осенью Виктору Ивановичу исполнилось шестьдесят восемь. Спрашиваю его:

— Скажите, ведь не сразу и не вдруг вы стали охотником. К примеру, брат мой, помещанный тоже на охоту, в детстве спал с патронами под подушкой. Ужрадки натаскает их из отцовского петросташа, ночью заворочается, они и посыплются с грохотом... Всех перебудит. Что же было истоком вашей страсти!

— Зайцы. Их было видимо-невидимо совсем неподалеку от дома, близ нынешнего кладбища. Помнится, сторожем там был дядя Федор. Он и приучил к охоте. Соберет возле себя мальчишек, ружье в руки — в поле. Парнишки гонят ему зайцев, а он — бах! Долозна у него пропадали.

— Простите, Виктор Иванович, а не кажется ли вам это занятие жутковатым! Неужели не испытываете жалости к зверю!

— Есть такой древний способ охоты на медведей — с лабаза. Нынче она превращена, считают, в варварство. Ждет-пождет в удобной засаде охотник и, наконец, хозяин леса пожаловал. Но сначала на полянку малыши выбежали... И по ним то, маленьким, хлоп! А вот Настасью Петровну так сразу прирончить не удается, она убегают раненной... Мне приходилось тоже с лабаза бить медведей но всегда в сторонке держал машину с собаками. Для того, чтобы потом, если сразу не удалось соопить Михаила Потоповича, то можно было выследить его с лайками. Хочу выступить на конференции охотников с предложением смешать сроки промысла на мишек. Добывать их не летом, когда реальна угроза уничтожения матюного поголовья, а осенью. Ведь прошлым летом в окрестностях Нижнего Села находили туши медведей... В октябре, по первой пороше, на них охотиться самая пора. Зверь к этому времени жир нагуляет, потомство свое на ноги поставит... Да ведь на лыжах за ним походить с собаками одно удовольствие... Не признаю охоты, когда из машины бьют по безумному от страха лесю. Совсем иное, когда выслеживаешь его с помощью лая. Это же целая наука!

— А вот не хотелось ли вам, Виктор Иванович, давать уроки медведям охотникам! Самая пора у вас для передачи опыта...

— Почему же не хотелось... Меня всегда зовут в свою компанию ребята из хирургии. Никогда не отказываю. С Александром Ланчиковым, который тоже держит породистых собак, задумали даже организовать дрессировочную площадку. Четыре гектара нам отвели, чтобы там содержали кабана для натаски и притравки лаек. Безвозмездно собирались дело вести. Но... Не наша вина, что из затеи ничего не вышло.

— Отец мой, по сравнению с вами, был просто любителем охотником. До сих пор помню вкус мерзлого ржаного хлеба, который он приносил из леса... Утверждал, что это лисичка гостинец послала. У вас сын Виктор Иванович. Соблазнили ли вы его в детстве подобными сказками!

— Увы, Сергей не охотник. Даже в любители не запишешь. Хотя все предпосылки стать им были. Отпуска всю свою жизнь провожу на природе. С женой и сыном раскидываем где-нибудь в живописном месте палатку и живем. Собаки с нами. Натаской их занимаемся. А рассказов-то моих Сергей заслушался досыта. Но он себя в другом нашел. В Губовском речном училище приобрел профессию радиотехника. Увлёкся ею по-настоящему серьезно. Смастерил сам радиостанцию. Теперь по ночам со всем светом переговаривается. Прослушав, а он по-английски лопочет...

— Охотником не стал, а вроде вашу профессию унаследовал! Я его видел в белом халате в профилактории...

— Точно. Вместе работаем. Он тоже зубной техник, только категория у него поменьше. Помнится, три года ему было. Свой патент я имел, дома работу выполнял. И вот посажу, бывало, сына на стол, объясняю, как надо фигурки из воска лепить. Это занятие его увлекало.

— Больше всего мне самой из охотников мила некрасовский дедушка Алазан. Да вот еще Ермолай из «Завтрак охотника» Тургенева. Потому что тоже не расклевывается, как он стреляет... Этот Ермолай, в отличие от вас, Виктор Ивано-

вич, не умел дрессировать собак. Терпения ему не хватало. Но зато подвергался самым разнообразным приключениям. Он ночевал в болотах, на деревьях, на чердаках, в погребах и сараях, лишаясь ружья, собаки, самых необходимых одеяний, бывал бит сильно и долго... Зато никто не мог сравниться с ним отыскивать по чутью дичь, подманывать перепелов, вынашивать ястребов, добывать соловьев с «лешевой дудкой»... А чем можете похвалиться вы, Виктор Иванович! Какими приключениями!

— Не зря живет поговорка «охота плуше ненюли». Одно время работал инструктором в автошколе. Случилась со мной беда. Ногу сломал. Причем, изрядно. На костылях еле передвигался. А тут открытие охоты! Заехал товарищ на мотоцикле, уговорил его погрузить меня в люль-

ЗВЕРОВОЙ

■ СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

ку. Направились к Волчихинскому водохранилищу. Вечером, в шесть, начало. В общем, почти в срок еле живой доплыл на лодке к желаемому месту. А там, на берегу, стрелков и без меня хватает. Сил нет до них добрататься, а время истекает. Встретили матом. А утки летят... И справа, и слева от меня выстрелы. Тоже берусь за ружье. Изловчился четырех птиц подстрелить... Потом, когда канонада утихла, азарт спал, рассмотрели ребята, что из лодки не только весла, но еще и костыли торчат... Поахали сердобольно. Отругали. А я обратно наострил... На середине водоема белые барашки забегали, лодку закачали... Думал, не выплыву. Обошлось... Через несколько месяцев охота на лосей. Совсем с костылями еще не расстался, один-то всегда держал под мышкой... Заходит ко мне однажды Николай Осипович Мальцев. Мол, есть лицензия... И вздрогнуло сердце. Потянуло, как всегда, побывать в лесу с собаками... Короче, последние пять километров до избушки полз на коленях. Но лося мы тогда добыли.

— Само собой бросилась в глаза табличка на дверях вашей квартиры. Вы — участник Великой Отечественной войны. Также убивать приходилось!

— Белорусский фронт. Жлобин... Гомель... Бобруйск... Служил в стрелковой роте. Вызывает начальник разведроты. Показывает карту, объясняет, что вот в это место надо отвести пленных. Дает в помощь стрелка. У меня автомат, у того — винтовка. А напротив — группа немцев, человек шесть, а то и поболее. Тебе всего девятнадцать, ростом обижен, одна надежда, что молитва матери опять выручит. Бывало, в детстве утром глаза откроешь и первое, что видишь, — огонек лампадки и маму, сотворяющую молитву... Она всю жизнь богу кланялась, может, потому и живой в ситуации самых разных оставался... К примеру, пленных к сборному пункту доставишь, а тут тебя подполковник сердито встречает. Мол, почему в расход по дороге ты, сержант, фашистов не пустил... Ведь все они эсэсовцы. Но никогда мысли не допускал стрелять в безоружных. Греха на душе не имею. А вот что уцелел — удивительно.

— Виктор Иванович, сейчас модно верить в нечистую силу. Лешие, случайно, вас не пугали! Не приходилось в лесу вздрагивать от того, что из «бучила» вдруг кто-то жалостливо-жалостливо застонет: у-у... у-у!

— Чертей и всякую другую нечисть отвергаю. В предрассудки не верю. У меня один Бог. Природа. Ей и поклоняюсь. Особенно в те часы, когда остаешься с ней один на один. Допустим, отправляешься весной на тягу... Охотиться на вальдшнепов.

— «За четверть часа до заходящего солнца, весной, вы выходите в рощу, с ружьем, без собаки. Вы отыскиваете себе место где-нибудь подле опушки... В лесу все темнеет и темнеет... Все птицы спят. Горихвостки, маленькие дятлы одни еще сонливо пописывают... Вот и они умолкли. Еще раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки... Сердце ваше томится ожиданием, и вдруг — но один охотник почмунт меня, — вдруг в глубокой тишине раздастся особого рода карканье и шипенье, слышится мерный взмах проворных крыл, — и вальдшнеп, красиво наклонив свой длинный нос, плавно вылетает из-за темной березы навстречу вашему выстрелу.

— Замечательно! Лучше Тургенева, действительно, не расскажешь. Только вот у меня есть небольшие поправки. Слышится не «карканье». Вернее будет — «хорканье». Далее... Не назову я вальдшнепа и проворным. Он же маленький. Летает эта птица совсем не плавно, а стремительно. В основном же правильно описано писателем состояние охотника, стоящего на тяге. Люди по сей день собираются охотиться на вальдшнепов как на праздник. Сколько у костра разговоров, разных баек! Все добры и веселы. Судачат охотники, удачно ли выстрелили, удалось... Хорошо от такого содружества.

— А на утиную охоту вы ходите после того случая на Волчихе!

— Знаете, перестал... Сейчас все больше собаками занимаюсь и зверовой охотой. Вот был сезон охоты на кабана. Друзья-хирурги без меня не обошлись. Но в декабре неудачно в лес сходили, а вот в начале января вылазка получилась успешной. Если рассказывать, как приходится добывать кабана, то тоже можно вспомнить много занимательного. В погоне за этим зверем случается пробегать около сотни километров. Не один день его выслеживаешь. Однажды в упоении, что все же удалось свалить разбойника, вылетел на машине на лед реки, совершенно упустив из головы, что вода в ней только только замерзла... Бог от беды миловал... Ну как тут мать свою не вспомнишь, ее молитвы. Кстати, нас, детей, у нее семеро было, а каждым у нее душа болела.

— В недавнем выпуске «Недели» вы были представлены в газете вместе со своим собаками. У вас их три, и каждая со своим коровом.

— Друзья верные. Таюра маленькая да удаленькая. Четыре раза оказывалась под раненым кабаном. Одна морда торчит, а все равно кустнуть пытается... Урман—тот собственник. К мясу никого из чужих не подпустит. Злой. Мишка особенно хорош в гоне. Держать след способен долго. Вообще все они у меня страха не ведают.

— Виктор Иванович, так все же скажите, что значит для вас охота!

— Здоровье.

Беседовала Р. ПОДБУРНАЯ.